

Не может, утверждает А. А. Назаревский (стр. 125), рассматриваться как признак ораторской природы «Слова» и указанная мною характерная особенность его повествовательной части: автор многого не договаривает, о многом умалчивает, отсюда — недомолвки, глухие намеки, даже пропуски и пр. Этот лирический способ повествования налицо и в народной исторической песне о смерти князя Михаила Скопина-Шуйского («Ино что у нас в Москве учинилося...»); способ этот, по мнению А. А. Назаревского, свойственен «вообще поэтическому произведению» (что понимает А. А. Назаревский под поэтическим произведением «вообще» — неясно; «поэтическими» бывают самые разнообразные произведения).

Переходя к указанным мною стилистическим особенностям «Слова», А. А. Назаревский ограничивается только некоторыми примерами моей полной неосведомленности в этом вопросе. Так, А. А. Назаревский указывает (стр. 127), что я напрасно рассматриваю часто встречающуюся в «Слове» формулу личного обращения автора к читателю («братие») как один из показательных признаков ораторской природы стилистического строя «Слова». Формула эта не раз встречается и в несторовом житии Феодосия Печерского («Но послушайте, братие, с всяцем прилежанием...») и др. Знают это обращение, указывает А. А. Назаревский, и другие литературные жанры, начиная с древнейших времен, например «Хождение» игумена Даниила («Братиа и отци, господие мои, простите мя грешного...»), сказание о Псковском взятии («Ныне же се, братие, видяще, убоимся прещения сего...») и др. Иногда этот стилистический прием встречается и в народном песенном творчестве («Как у нас, братцы, было на тихом Дону...»).

Риторическое восклицание «о!» также, по мнению А. А. Назаревского (стр. 128), нельзя считать признаком ораторской природы стилистического строя «Слова о полку Игореве», так как его можно встретить и в произведениях не ораторского жанра, например в «Слове о погибели Рускыя земли», которое А. А. Назаревский вслед за некоторыми другими исследователями считает предисловием к житию Александра Невского: «О светло светлая и украсно украшена земля Русьская!..»; в Галицко-Волынской летописи под 1250 годом: «О злее зла честь татарская!..» и др.

Не убеждают А. А. Назаревского и приведенные мною многочисленные примеры повторов в «Слове о полку Игореве», так как они тоже не раз встречаются в произведениях самого различного типа. «Рассуждая так, — даже иронизирует А. А. Назаревский (стр. 129, прим. 1), — пожалуй, и в известных пушкинских строках: „Уж небо осенью дышало, Уж реже солнышко блистало...“, можно увидеть проявление „ораторской природы“ произведения».

Таковы факты, подобранные А. А. Назаревским из разных произведений, разного времени и разной художественной природы. Некоторые из них были известны и мне. Но в своих статьях я не приводил их только по той причине, что все они, на мой взгляд, не имеют прямого отношения к занимающему меня вопросу.

Одни и те же приемы, действительно, встречаются в самых разнообразных произведениях. Тот факт, что древнерусский писатель имел возможность «пользоваться одними и теми же художественными приемами в произведениях различных жанровых категорий, а не только в памятниках торжественной ораторской прозы» (стр. 121), не подлежит сомнению, и я совсем не собираюсь его оспаривать.

Но о чем свидетельствует этот факт? Подрывает ли он мою аргументацию в пользу ораторской природы «Слова»? Полагаю, что нет. Он сви-